НА КОНКУРС «50 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

Георгий и Альвина

Пятидесятый, золотоюбилейный День Победы готовятся отметить супруги Георгий Иванович и Альвина Петровна Стрижаковы. И в 50-й раз — в Магнитке, с которой судьба связала их крепко-накрепко и навсегда в радостном и счастливом для каждого советского человека сорок пятом...

Разными были дороги на Восток у Георгия Стрижакова и Альвины Черновой, но причиной отъезда с родных мест стала она — Великая Отечественная.

Украинский деревенский паренек Жора с юных лет познал нужду. Голод 1921 года стал первым, но далеко не последним испытанием на выживание. Но ничего, притерпелись. А потом, к 30-м годам и вовсе зажили сытно, богато, весело. Не будь внешних врагов, страна Советов и дальше бы шла в гору, но Германия и Япония начали проверку боеготовности на Западе и на Востоке. Так что не только трудовая Магнитка, но и далекие от железа и вооружений селяне-колхозники быстро почувствовали неладное. Рабочие руки потекли из деревни в город. Этим же потоком унесло и Георгия. Войну он встретил на Николаевщине, вскоре и сам добровольцем ушел в Красную Армию, без устали шоферил, перебрасывая людей и технику с места на место. Увы, холодный октябрь 41-го стал горячим от огня фашистов и крови наших солдат и мирных жителей. Часть, где служил Георгий, попала в окружение. Водителю по тем временам даже не полагалось оружие, так что при пленении не удалось и застрелиться, как хотелось. В заключении Георгий Стрижаков серьезно заболел и его попросту выбросили из тюрьмы. Выжил. Долго скитался он, надеясь добраться до стремительно откатывавшегося фронта, но так и не сумел. Был схвачен и переправлен далеко-далеко, в Германию, на угольные шахты. И ныне, через полвека, он без слез не может вспоминать те дни, месяцы, годы унижений, издевательств и побоев со стороны гитлеровцев. Полускотское существование привело к гибели миллионов и миллионов русских, украинцев, белорусов, поляков, немцев... Да, и немцы были очень разные. Кто-то преклонялся перед фюрером и полицайничал, зверствовал, насильничал. А в паре с Георгием на шахте работал взрывником немец-коммунист. При случае делился даже самым дорогим, что тогда было, — хлебом...

В 1945-м англичане прорвали, наконец, оборону, форсировали Рейн и освободили заключенных военнопленных, где, к своему удивлению, остался в живых и Георгий Стрижаков. День Победы он встретил еще в Германии, но уже совсем близким виделся приезд на Родину. К сожалению, в стране опять начались политические разборки, казалось бы, прерванные войной. Обещанного торжественного приема на Украине не получилось, выданные документы опять отобрали и отправили настрадавшихся за годы войны людей куда подальше -- на Урал. В Магнитогорск Георгий прибыл в качестве репатриированного, с клеймом предателя, которое носил еще почти десяток лет, пока не скончался Сталин и в Союзе не началась реабилитация незаконно репрессированных. Георгию вручили новый военный билет, где вместо обидного слова «плен» стало значиться: «Служба в Советской Армии, август 1941 г. — апрель 1945 г.» Наградили и медалью «За победу над Германией». Но возвращаться на Украину уже не захотелось. К тому времени уже умерла мама, да и привык к друзьям по цеху горного транспорта ЖДТ ММК, где его ценили за большую работоспособность и трудолюбие. А главное, наверное, что повстречал здесь, в Магнитке, на нашем же комбинате прекрасную половину, с которой и прожил душа в душу почти полвека.

Альвина Чернова потеряла свою маму в 1941-м, так что мамой стала называть свою бабушку, которая заботилась о внучке изо всех сил. Пенза, где жила Аля, не испытала кровавых тягот войны. Утопавшая в зелени, она дважды в военные годы перекрашивалась: зимой — в белый, летом — в зеленый цвета. Вкупе с отлично организованной светомаскировкой это дало потрясающий результат — ни разу (!) Пензу фашисты не обнаружили, не подвергли ни единой бомбардировке.

Конечно, тяжко, голодно и беспокойно жилось пензенцам. Аля помнит многотрудные хождения по окрестным деревням в надежде обменять вещи на что-нибудь съестное. Иногда она просто валилась с ног от недоедания и недосыпания. Фантастикой звучат и ее слова о том, как весной 42-го копали прошлогоднюю картошку неубранного урожая сорок первого. Ей довелось поработать и на велосипедном заводе, где точили снаряды, потом она выучилась в фармацевтической школе. Между делом выгружали раненых, собирали лекарственные травы. В общем, жили одной жизнью с народом.

В 1945-м с подругами-фармацевтами приехали в Магнитогорск, где Альвина начала работать в аптеке медсанчасти ММК. Трудно поверить, но работает она на этом месте и до сих пор. Быстро стала заведующей аптекой, за полвека поработала с восемью главными врачами МСЧ и с каждым сумела не просто ужиться, но и найти грань отношений, когда обеим сторонам работается интересно и плодотворно. О человеческих качествах Альвины Петровны говорит и такой факт: 20 лет она возглавляет совет ветеранов-медиков нашего комбината. Но не следует думать, что она вышла замуж за Георгия Стрижакова лишь из чувства жалости к его нелегкой судьбе. Отнюдь. То была мгновенная и яркая любовь, и о своих злоключениях Георгий рассказал любимой, но уже жене. Так не хотелось огорчать девушку с веселым характером, непосредственную, очень-очень жизнелюбивую. Память военного лихолетья только укрепила супружеские узы двух сильных духом людей, позволила еще бережнее относиться друг к другу, к своим бесценным дочерям Наталье и Галине, к их таким же крепким, как родительская, семьям.

Пусть же Георгий Иванович и Альвина Петровна Стрижаковы встретят День Победы в мирном кругу родных, коллег и друзей. Они заслужили добрые теплые слова благодарности своей нелегкой судьбой, достойной деятельностью в Магнитке, на металлургическом комбинате в течение полувека.

А. МЯГКОВ.

ВАСИЛЬЕВ Федор Борисович

Родился в 1925 году в Могилевской области. Работал в колхозе. В начале войны в возрасте 17 лет ушел в партизаны. Войну закончил под Кинегсбергом. В Магнитогорске — с 1949 года. После окончания МГМИ был направлен на комбинат вальцовщиком. Работал мастером, заместителем начальника ЛПЦ-3, начальником этого цеха.

Закончил трудовую биографию в должности заместителя директора ММК по качеству. Автор пяти изобретений, и ста рацпредложений.

Награжден медалями "За отвагу", "Патизану Отечественной войны", "За боевые заслуги" в 1974 году награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Лауреат Государственной премии.

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

В июле 1941 года Могилевская область, где мы жили, была оккупирована немецко-фашистскими войсками, и я сам увидел, что несла фашистская оккупация для нашего народа.

Переждав зиму 1942 года, я начал искать пути связи с партизанским движением, которое в это время формировалось на территории Белоруссии. Тогда мне было 17 лет, и я видел единственный путь для себя — искать партизан в лесах.

В течение трех суток безрезультатно бродил по лесам и болотам. Наконец-то наткнулся на разведчиков, как узнал позже, Отдельного партизанского соединения под командованием Героя Советского Союза Гришина Сергея Васильевича. После детальной проверки я был зачислен в первую роту первого батальона 13-го Особого партизанского полка, где провоевал до соединения с частями Советской Армии.

Особенно тяжелыми для нас оказались бои в 1943 году, когда линия фронта еще не дошла до расположения нашего полка и остановилась на реке Проня на расстоянии 15-20 км от нас. От командования нашей армии нам было дано задание: срывать немцам подвоз боеприпасов и живой силы к линии фронта. На протяжении нескольких недель полк активно выполнял эту задачу. Немцы в ответ на эти действия стянули около двух дивизий и в Бовском лесу окружили наш полк. В окружение попали около 6 тысяч партизан и несколько тысяч гражданского населения. Немцы повели жесткие бои на уничтожение партизанского полка. Две недели полк выдерживал бои и артобстрелы, по 15-18 атак в сутки. Мы были окружены без продуктов питания, без боеприпасов, много было раненых, убитых... И когда уже наши силы были на исходе, командование полка приняло решение: идти на прорыв, чтобы соединиться с Советской Армией. Прорвав линию обороны немцев, мы по болотам намеревались выйти на наши действующие военные части. Немцы разгадали наш маневр. Не доходя 3-4 км до линии фронта, мы должны были наткнуться на сильные заслоны, которые должны были уничтожить наш полк на подходе. Все это нам стало известно благодаря разведчикам, их данным.

Командование полка дало следующее задание: мы своим отдельным первым батальоном должны с боями выйти из болот и из окружения и уйти за Днепр, где было назначено место встречи всех подразделений полка.

После месячного скитания по лесам и болотам Могилевской области батальон в ноябре 1943 года форсировал Днепр, перешел на территорию белорусских партизан и там ждал встречу с остальными подходившими подразделениями полка. В основном все подразделения из окружения вышли, но в очень поредевшем составе. Мы немного окрепли — нам подбросили боеприпасов, провели мобилизацию и в декабре 1943 года полк полной мощью снова вступил в бой.

Что касается меня лично, то моя военная партизанская жизнь в основном протекала в конной разведке. Мы были «глазами» и «ушами» штаба. Два-три человека постоянно находились в движении. Иногда это были длительные выезды с отрывом от основных частей. Выполнялись задания по связи, по передаче данных, по разведке местности и подступам к гарнизонам. Многие не возвращались, погибали, потому что почти ежесуточно приходилось наталкиваться на засады немцев, встречаться с отдельно блуждающими немцами и полицаями. Завязывались перестрелки и целые бои. Поскольку разведка была конная — часто погибали лошади.

Вспоминается такой случай. Однажды поехали мы вшестером в разведку. В деревне, куда мы прибыли, нас предупредили, что здесь недавно было около батальона немцев, и они пошли через лес по направлению к соседней деревне.

У партизан были большие сложности с куревом. Нигде, кроме как у немцев, добыть табак было невозможно. А если этого сделать не удавалось — собирали брошенные немцами окурки сигарет и сигар. Наши бойцы смешивали их с травами, с ботвой картофеля и крутили самокрутки.

И вот в деревне, находясь в хате, я говорю: «Ну что, поехали курево добывать!» Мы отправились вслед за немецкой колонной. Подъехав к деревне, где должны были остановиться немцы, нас двоих командир отделения оставил на связи, а остальные пошли в населенный пункт.

В это время незаметно на опушку леса, где мы остановились, подобралось немецкое подразделение. Они хотели нас взять живыми. Расстояние между нами и ними было примерно 10-15 метров. Дело было зимним днем. Мы заметили немцев, открыли огонь и стали на лошадях отходить. И вот, когда отъехали от скопления немцев метров 150, моя лошадь была убита. Я оказался на снежном поле один, до ближайшего леса было метров 200-300. За мной гнались немцы, я отстреливался из автомата. Шапка была сбита, был пробит полушубок. Чтобы легче было бежать, я разделся и продолжал отходить в лес. Мне удалось добежать до леса, хотя был несколько раз задет пулями.

Я оказался в лесу один. Где ребята — я не знал. Я даже не знал, какая была перед нами поставлена конечная задача. Начал уходить по лесу. Правда, погони не было. Немцы боялись заходить в лес. После двухсуточного блуждания по лесу я наткнулся на штаб другого партизанского соединения. Полуживого там меня выходили и через некоторое время я был связан со своим полком и вернулся туда, где меня считали погибшим.

За свою партизанскую жизнь мне приходилось участвовать в подрыве воинских эшелонов и мостов, в прикрытии при разгроме немецких засад и гарнизонов, видел смерть многих моих товарищей. Что касается меня, то, как говорится, судьба хранила...

Если говорить о партизанах, то это были люди высокого гражданского, военного долга. Несмотря на трудности, находясь в постоянном движении, попадая в окружение или расположение врага, я имел одну цель: выполнение задания командира. Навсегда останутся в памяти братство, товарищество и взаимная поддержка.

Вспоминается случай, когда мы вышли из Бовской блокады после двухнедельной голодовки. Еле держась на ногах, пришли в одну белорусскую деревеньку. Хозяйка, которая приютила нас, всю ночь варила картошку и отпаивала нас этим картофельным отваром, чтобы мы более-менее пришли в норму. А утром она испекла нам из муки небольшие булочки и мы ушли. Нам пришлось еще двое суток находиться в лесах, не обнаруживая себя. И как мы по крохам делили эти булочки, чтобы продержаться!.. Делиться последним — закон партизана. На этом держалось все партизанское движение...

В Белоруссии по одним сведениям было около 400 тыс. партизан. Но нельзя забывать ту помощь, которую оказывали нам местные жители. Они помогали одеждой, пищей, лечением, при необходимости скрывали.

Мне самому часто приходилось прятаться на чердаках, сеновалах, в банях. Люди знали, что за сокрытие партизан, разведчиков -- расстрел, но шли на это, помогали.

В 1944 году, находясь на территории Белоруссии, за Днепром, наш полк был отмобилизован, т. е. стал воинским формированием со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ведь будучи партизанским соединением, мы не имели ни баз продовольствия, снабжались и обеспечивались всем необходимым, в основном, за счет разбитых немецких частей: и вооружались, и подкармливались, и одевались.

После этого мы продолжали бои до соединения с частями Советской Армии. Этот день соединения с нашими войсками мы ждали с таким нетерпением, что, казалось, ничего более желанного и быть не может. День встречи для нас, партизан-гришенцев, остается самым светлым днем в нашей жизни. После соединения наш полк своим ходом ушел в Смоленск, т. к. он в 1941-1942 гг. был образован на территории Смоленской области и считался Смоленским..